

Авторитет и влияние Плакида Янковского на духовенство были неоспоримы, – там, где местная духовная власть часто пасовала, нескольких убедительных его слов было вполне достаточно, чтобы сломить даже самое закоренелое упрямство. Прихожане к протоиерею относились с любовью и безграничным доверием. Возвышенным идеалом убогого сельского священника, к числу которых Янковский причислял и себя, было служение простым людям. Отец Плакид с большой симпатией относился к простым белорусам, крестьянам, крайне зависимым от капризов и воли помещиков. В то же время идеализировал патриархальные отношения между «двором» и деревней. Суть своего отношения к родной земле он определил в 1857 году в «Воспоминаниях из Слонимских школ» следующим образом: «... Коснувшись земли снова, подобно Антею, чувствуем в себе силу, которая идет только от земли». В обыденной жизни Плакид Янковский всегда стремился к покою в окружении искренних, сердечных, близких ему по духу людей. В Жировичах нашли приют три сестры жены о. Плакида. Мать его жены стала ему второй матерью – доброй, благожелательной, рассудительной. Янковским соседствовали сослуживцы. Все располагались своими домами в каких-нибудь 100–200 шагах друг от друга. Среди них в согласии и гармонии протекала жизнь.

Перенесение в 1845 году в Вильно Литовской Духовной консистории и семинарии вынудило Плакида Янковского переселиться туда же на положение настоятеля виленской Перенесенской соборной церкви Святого и Чудотворца Николая. В Вильно он отправлялся неохотно, жалея оставленные Жировичи. Но и на новом месте его ожидала знакомая и близкая творческая среда. В Вильно находились нужные ему Игнатий Шидловский, Леон Боровский, Игнатий Ходько, Евстафий Гышкевич, Теодор Нарбут и многие другие.

Окончательно расстроенное здоровье вынудило его проситься на покой. Ему было 48 лет. Янковский приобрел в желанных ему Жировичах дом возле самого монастыря и там провел оставшиеся четырнадцать лет жизни.

В последние годы жизни языком творчества Плакида Янковского стал по большей части русский. Отец Плакид сотрудничал с «Литовскими Епархиальными Ведомостями», в которых опубликовал, начиная с 1863 года, более двадцати статей, посвященных христианской тематике. Три произведения – «Пасхальные куличи», «Крестьянская правда» и «Никто как Бог – объединены автором одной рубрикой: «Из записок сельского священника». Особенное значение обрели очерки недавнего и современного быта воссоединенного духовенства под общим названием «На рубеже». Весьма важный раздел русскоязычных публикаций П. Янковского – некрологи. Им даны жизнеописания М. Бобровского (семинарского учителя будущего митрополита Иосифа), П. Ситкевича, А. Тупальского, И. Гомолицкого и др. Это были попытки дать обобщенный портрет священника–подвижника униатского и послеуниатского времени [1, с. 114].

Янковский выступает, помимо всего, подготовленным краеведом. Признавая, что Янковский убедительно передал быт «шарачковой» шляхты и униатского духовенства, критики отмечали, что труды его ценны в первую очередь как документальные свидетельства. Скончался Плакид Гаврилович Янковский 28 февраля (11 марта) 1872 года на руках двух сыновей и двух дочерей. Похоронен он в Жировичах, в кладбищенской церкви св. Георгия Победоносца, рядом с прахом жены Елены. На стене храма и ныне находится большая памятная доска с надписью «Родителям Плакиду Янковскому (1810–1872) – Елене Янковской (1817–1867) – Дети».

Несомненно личность протоиерея Плакида представляет для белорусской истории, литературы и духовной мысли активный интерес. К сожалению его личность крайне мало изучена. В современной Польше его публикации печатаются крайне малым тиражом. Даже в электронном варианте можно найти лишь некоторые его публикации. Нам еще предстоит глубже познакомиться с его творчеством.

1. Янковский П. Записки сельского священника – Мн.: Свято-Петро-Павловский собор, 2004.- 380с.
2. Charkiewicz. W. Placyd Jankowski : Zycie i twórczość. Wilno, 1928. S. 126.
3. John of Dycalp. Kilka wspomnień uniwersyteckich. Wilno, 1854. S. 15.

ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д.Ф. КОБЕКО «ЦЕСАРЕВИЧ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (1754–1796)» В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

О.А. Кашинская (Москва, Россия)

Рефлексия неклассической модели исторической науки, стремящейся к строгости исторического знания, провоцирует современного исследователя историографии к поиску адекватных приемов анализа историографических источников и исследованию их видовой природы.

В данном исследовании автор ставит задачу проанализировать историческое произведение Д.Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович (1754-1796)», впервые опубликованное в 1882 г., в предметном поле источниковедения историографии. Актуальность такого исследования диктуется неточностью, которую допускает исследователи при определении вида исторического произведения Кобеко. Такая ситуация наблюдается как в сфере гуманитарного знания, в целом, например, В.И. Федорченко в статье «Кобеко

Дмитрий Фомич» для энциклопедического издания, указал: «Главный исторический труд К[обеко] – монография «Цесаревич Павел Петрович (1754-1796)...» [7, с. 551]. В научном издании «Екатерина II и Г.А. Потемкин» В.С. Лопатин также назвал «монографией», работу Кобеко. [2, с. 482]. Даже, изучающий историографию Павла I историк, Ю.А. Сорокин указывает, что труд Кобеко – «первая монография непосредственно, посвященная Павлу I». [6, с. 114.]

Откуда современные исследователи берут сведения о том, что труд Кобеко «Цесаревич Павел Петрович» является монографией? Дело в том, что в самоназвании произведения Кобеко присутствует указание на то, что автор подготовил «историческое исследование».

Как отмечают С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева в современной историографической культуре часто путают три вида исторических произведений: монография, исторический очерк, научное исследование. Уточнение квалификационных признаков, изучаемого историографического источника представляет большую важность для исследователя так, как только в этом случае он сможет провести более или менее корректное исследование [3, с. 337 – 484].

В классической модели исторической науки идеалом научного исследования становится монография. Как указывают современные историки, дефинирующим признаком монографии, является репрезентативность (в идеале – исчерпанность) источниковой базы исследования. Монография – «научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором в наибольшей полноте исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы, она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы и ее решением в результате проведенного исследования <...>, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста [4, с. 530].

В качестве таковой можно назвать работу Д.И. Багаля «История северской земли до пол. XIV ст.: историческая монография» (1882), в которой историк говорит об актуальности изучаемой проблемы, слабой изученности объекта исследования, рефлексии об источниковой базе своей работы и т.д. [4, с. 511].

Однако в изучаемой нами в работе Кобеко ничего подобного нет. В его «историческом исследовании» ни слова не говорится об актуальности, автор не обращается к вопросу истории изучения Павла I. В своем тексте Кобеко не рефлексии об источниковой базе исследования и не замечает признаков тех или иных используемых исторических источников.

С другой стороны, в исторической культуре второй половины XIX века можно найти виды исторических произведений, в самоназваниях которых присутствует слово «разыскание» (предполагающее – исследование). Например, труд Д.И. Иловайского «Разыскание о начале Руси. Вместо введения в русскую историю» (М., 1876). Данное произведение неоднозначно как историографический источник. Его анализ позволяет выявить очерковый характер произведения [см.: 4, с. 603].

Современные историки, изучающие систему видов историографических источников в классической модели исторической науки, отмечают, что позитивизм второй половины XIX в. существенно влиял на модель исследований историков. Научное исследование ассоциировалось с добросовестным и критическим отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы (из которой нужно было добывать исторические факты [3, с. 347 -348].

Как можно заметить, скорее всего, это обстоятельство повлияло на выбор Иловайским варианта названия своей работы, в котором присутствует слово «разыскание». Нам представляется, что выбор Кобеко названия своего произведения был связан с тем, что «исследование» призвано придать больший статус изданию. В историографической культуре второй половины XIX в. можно найти подобные примеры. Так, несмотря на то, что известное произведение Н.И. Костомарова «Исторические монографии и исследования» (СПб., 1863-1872. 12 т.) имеет в самоназвании слова «монографии и исследования», при историографическом анализе выясняется, что эти произведения имеют все видовые признаки исторического очерка [см.: 4, с. 540-541].

Часто видовой принадлежность исторического произведения зависела не только от авторской интенции, но и от культуры эпохи, в которой это произведение появилось. Если обратить внимание на рефлексии современников о книге Кобеко, то можно заметить, что критики признавали в ней наличие большого набора фактического материала (взятого из исторической литературы и мемуаров), а, например, Т.А. Сосновский отмечал еще сильную «односторонность в подборе фактов», а самое главное – отсутствие «беспристрастной исторической критики, которая должна руководить составителем серьезного историко-биографического исследования» [см.: 5, с. 313 -314].

Действительно, анализ историографического источника Кобеко дает возможность констатировать, что в нем присутствует довольно скудная источниковая база. Около 50 позиций в списке использованных источников, среди которых, большую часть составляют историографические источники, но есть и непосредственно исторические источники: в первую очередь, источники личного происхождения, а также «Полное собрание законов Российской империи» и опубликованные архивы Государственного совета и князя Воронцова.

Структура произведения производит впечатление одного большого очерка, разделенного на логические блоки, лишь только, пронумерованные латинскими цифрами. Например, «II» начинается словами: Двор цеса-

ревича Павла Петровича состоял, в начале царствования Екатерины, из следующих лиц <...> [1, с. 14]. Это наводит на мысль, что выделяемые структурные блоки текста представляют собой законченные рассказы, но это не совсем так. Уже блок текста под цифрой «VI» начинается словами: «Порошин, прекратив свой дневник, вместе с тем лишился и должности <...>» [1, с. 46], что свидетельствует о разорванности текста и, вместе с тем, отсутствии, выполняемых отдельными нарративами исследовательских задач.

Анализ историографического источника «Цесаревич Павел Петрович» позволяет уточнить, что в нем присутствуют видовые признаки, относящиеся к такому виду историографических источников как исторический очерк. Он принадлежит и к научному, и к социально ориентированному типу исторического знания, а в культуре XIX в. наделялся такими признаками, как авторское испытание, недостаточность научности и популярность изложения материала [3, с. 343, 347]. Исторический очерк Кобеко имеет четкую историко-биографическую направленность. Само его произведение (выдержавшее несколько изданий) было адресовано не столько современной ему исторической науке, сколько предназначалось (не смотря на наличие сносок) широкому кругу читателей.

1. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754 - 1796) : историческое исследование / Дмитрия Кобеко / изд. 3-е допол. СПб: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1887. – 474 с.
2. Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом / В.С. Лопатин // Екатерина II и Г.А. Потемкин: личная переписка / изд. подготовил В.С. Лопатин М.: Наука, 1997. С. 473-540.
3. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк : опыт сравнительного источниковедческого анализа / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Профессия – историк [к юбилею Л.П. Репиной] / отв. ред. О.В. Воробьева. М. : АКВИЛОН, 2017. – С. 337 – 484.
4. Маловичко С.И. Источниковедение историографии // Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
5. Панин Н.И. Всеподданнейшее предьявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщ. Т.А. Сосновский // Русская старина, 1882. – Т. 35. - № 11. – С. 313-320.
6. Сорокин Ю. А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе / Юрий Сорокин // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 108-137.
7. Федорченко В.И. Кобеко Дмитрий Фомич / В. Федорченко // Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий : в 2 т. – Красноярск : БОНУС ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т 1. – С. 550-552.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ ЮБИЛЕЙНЫХ ИЗДАНИЙ ЛАТВИИ (20–30 ГОДЫ XX ВЕКА)

Т.И. Кузнецова (Даугавпилс, Латвия)

В жизни как человека, так и больших людских общностей случаются разломы, политико-правовое, организационное, художественное и идеологическое оформление которых сопровождается возникновением новых состояний и новых образований в их, человека и общества, истории. Такими разломами были и русская революция 1917 года, одним из её многих очевидцев охарактеризованная как «трагедия России, обернувшаяся угрозой миру» (11, с.302), и создание Латвийской республики, чьё провозглашение 18 ноября 1918 года стало делом Народного Совета, собравшегося накануне и состоявшего из 35 человек (10, с.121).

Территория Латвии с конца XVIII века находилась в составе Российской империи, что обострило проблему позиционирования молодого государства по отношению к России и повлияло на место и характер русской революции 1917 года в идеологической системе Латвии. К весьма значимым инструментам идеологического воздействия в Латвии в 20-30-е годы XX века относились юбилейные тексты, посвящённые датам провозглашения Латвийского государства.

Тексты формируют общие места памяти, структурируют историческое время, должное быть значимым для большой людской общности, особенно той, что является ядром создаваемого государства. К средствам же структурирования исторического времени можно отнести отбор фактов, объём и детализированность их описания, контекст, в который они вводятся.

Состав юбилейных изданий, увидевших свет в Латвии в 1923, 1928, 1933 и 1938 годах, различается по объёму, тиражности, тиражируемости и расставленным акцентам. К пятилетию провозглашения Латвийского государства в 1923 году инициатором вышедшего юбилейного сборника стал Латышский Крестьянский Союз – ведущая политическая партия в стране (хотя и не имевшая парламентского большинства), представитель которой З. Мейеровицс возглавлял в это время правительство (26.06.1923 – 19.01.1924). Под эгидой данной партии вышла небольшая по объёму (70 страниц) брошюра „Valsts piēci gadī”, состоявшая из 41 текста разной жанровой принадлежности – от стихотворения Э. Вирзы „Latvijai” до воспоминаний разных людей. Начинаясь сей сборник с опуса К. Ульманиса „Zem Latvijas karoga”, который вплоть до 1939 года неоднократно перепечатывался и в приданной ему стихотворной форме был включен в учебники для основной школы.

В 1928 году десятилетие той же даты было отмечено более широким и разнообразным кругом публикаций, подготовленных и специальной юбилейной комиссией (3), и отдельными министерствами, внутренних